

■ Наши интервью

ТРАССА ИНЖЕНЕРА ЧЕШКОВА

ОН САМ в чем-то похож на своего героя. Может быть, неизменной определенностью в суждениях, четкой аргументированностью точек зрения. Да и в облике его, в отрывистой речи есть что-то чешковское.

— Честно говоря, я вовсе не театрал, — говорил он в тот вечер, когда мы познакомились в ВТО.

Странно было услышать такое признание из уст драматурга, да еще от такого, чья пьеса «Человек со стороны» увидела свет на сцене советских театров, а «Трасса» в свое время стала эталоном пьесы о современности. И однако Игнатий Дворецкий несколько не кривил душой, когда говорил, что он не театрал. И это — тоже чешковское.

Но не быть театралом в общепринятом смысле вовсе не значит чураться искусства сцены вообще. Конечно, естественно с заинтересованностью говорить о постановке своей пьесы в различных театрах и, в частности, в театре на Малой Бронной. Хорошо, если это «тот самый» Чешков, «тот самый» подход к теме. «Тот самый», зна-

чит, — соответствующий замыслу автора.

Да, и не будучи театралом, естественно заинтересованно относиться к сценической интерпретации своего произведения. Не меньшую заинтересованность проявляет Игнатий Дворецкий, говоря о высокой гражданственности других лучших спектаклей.

В тот же вечер удалось увидеть Дворецкого зрителя. Нет, не «Трассу», которая принесла такой успех петрозаводчанам на Декаде в Москве, не «Человека со стороны», одну из лучших их работ последних лет, показывали на этот раз артисты Русского драматического театра. Шла композиция «Мой Пушкин»,

сыгранная в кругу актеров, «для себя», Е. Бычковой, О. Белонучкиным, Л. Живых, М. Мельниковой. Читались бессмертные пушкинские стихи, чеканная цветаевская проза, и в эти минуты можно было увидеть Дворецкого-театрала, услышать его эмоционально выраженные оценки.

Между «Трассой» и «Человеком со стороны» легли почти пятнадцать лет. Идя к «Трассе», Игнатий Дворецкий успел быть и грузчиком, и слесарем, работал на сложном револьверном станке, получал школу жизни в далеком сибирском леспромхозе. Там оценили его энергию и знания, предложили стать мастером, пригласили остаться

навсегда, но он тут же уехал и написал свою первую повесть.

Да, перед «Трассой» был период накопления впечатлений, сбора жизненных материалов. После «Трассы» легла трасса к инженеру Чешкову, потребовавшая от автора осмысления именно того, о чем и пойдет речь ниже. Ведь в ходе дискуссии о Чешкове появилось более семисот статей, разных и далеко не в равной степени доброжелательных. Было интересно узнать, что думает о своем герое сам автор.

Вторая наша встреча состоялась на следующий день и была посвящена попыткам пройти по следам споров о герое пьесы «Человек со сто-

роны». Но И. М. Дворецкий начал не с этого, исподволь подошел к главной теме нашего разговора.

— Есть вещи, — заметил Игнатий Моисеевич, — о которых можно писать, как говорится, не выходя из дома, на основе запаса собственных впечатлений. Наша эпоха, эпоха современная, характерна возникновением новой системы взаимоотношений. Повсюду поднимаются новые пласты жизни, и это требует от писателя непосредственного участия в происходящем, глубокого, заинтересованного проникновения в мир техники и науки.

Знаете, иногда встречаются деревни, есть такие и в Карелии, где совсем немного жителей. Это мир из трех-четырёх домов, и, вероятно, этот мир по-своему интересен, по-своему сложен и многое может «про себя» поведать.

Но мне лично хотелось взять такие конфликты, которые дали бы пищу для размышлений, найти, открыть такого героя, который мог бы стать примером для подражания и исповедовал высокий идеал.

Но всего этого не откроешь, сидя дома. Высокие идеи нуж-

но открыть в знакомой тебе жизни, в знакомых обстоятельствах. И вот писатель вникает в святая святых современного производства, — проводит время в цехах, конструкторских бюро, снабженческих организациях. Именно там центр борьбы нового со старым, а значит и неисчерпаемый источник идей и интересных коллизий, которые просятся в литературу.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Пишущие о людях деревни, даже на ее самом высоком этапе развития, имеют эталоны в искусстве. Деревня, если хотите, лучше изучена, чем город, там традиции, накопленные за столетия.

На заводе человек наталкивается на новые конфликты, которые могут быть схожи со старыми, но в них, этих новых конфликтах, необходимо разобраться. К этому прибавляется еще та трудность, что далеко не все читатели и зрители подготовлены к тому, чтобы рассматривать данный материал как предмет искусства.

Хочу сослаться на одного из самых любимых моих писателей — Антуана де Сент-Экзюпери. Вот как он пишет

в своей «Планете людей» о последних научных-технических революциях.

Дворецкий извлек из блокнота небольшой листок с машинописным текстом и, выдвигая самое важное, прочитал: «Вокруг все так быстро изменилось: взаимоотношения людей, условия труда, быт. Да и наш внутренний мир потрясен до самого основания. Хотя и остались слова — разлука, отсутствие, даль, возвращение, — но их смысл стал иным. Пытаясь охватить мир сегодняшний, мы черпаем из словаря, сложившегося в мире вчерашнем. И нам кажется, будто в прошлой жизни была созвучнее человеческой природе, — но это лишь потому, что она созвучнее нашему языку».

— Почему я цитирую именно Экзюпери? Потому, что его книги я считаю энциклопедическими в том смысле, что в них соединились техника и поэзия. Он, на мой взгляд, был предтечей НТР в литературе. Три страсти владели этим человеком: самолет, изобретательство и литература. Он написал о людях, которые жили в мире техники. Их поиски, их сомнения, страсти и мечты были связа-

ны с научно-техническим прогрессом. И в этой теме Экзюпери достигает вершин поэзии...

Наш разговор продолжался. Вспомнились строки того же Экзюпери: «Упиваясь своими успехами, мы служили прогрессу — прокладывали железные дороги, строили заводы, бурили нефтяные скважины. И как-то забыли, что все это для того и создавалось, чтобы служить людям». Подумалось: «А Чешкова как раз и обвиняют его критики в том, что он забывает о человеке». Этого сказано не было. Но Дворецкий, как бы почувствовав невысказанный вопрос, заметил:

— Что ж, теперь самое время вернуться к Чешкову.

— И сравнить его с героем «Трассы» Чепраковым.

— Что ж, и сравнить. Тем более, что у каждого из них своя жизненная трасса. И все же я начну со сходства между ними. Оба способны брать на себя ответственность. Для обоих характерно то, что мы называем партийным отношением к делу, к людям, к самим себе. Оба тратят себя без оглядки.

Чепраков пришел на производство с комсомольской работы и с войны. Это было крайне нужное производство. Но мы сейчас уже можем сказать, глядя с нашей сегодняшней вершины технического прогресса: при всей своей нужности оно было достаточно примитивным. На этом производстве, при некотором обучении, вполне хватало таких качеств, как организационные способности, дисциплина, самоотдача, любовь к делу. Чепраков был вооружен этими качествами.

Ну, а если бы он пришел спасать положение на современном заводе, где работает Чешков? Он выглядел бы почти беспомощным. Дело в том, что сегодня от людей, помимо высоких духовных качеств, требуется высочайший профессионализм. Современное производство не может жить без постоянных изменений и открытий в мире науки. Это просто, но требует изменений психологического уклада души.

Помните знаменитую пьесу Александра Корнейчука «Фронт»? Так вот в каком-то смысле с моими героями происходит то же, что и с ге-

роями этой пьесы. Хотя Чепраков не похож на Горлова, а Чешков — на Огнева, оба они, как и те, находятся в споре, ибо представляют два способа жизни, извечные старое и новое. Мир современного производства, если он хочет развиваться, обязан исключить дилетантство, приблизительность, зазнайство, безответственность.

Оппоненты Чешкова, при всей справедливости их критических замечаний все время, мне кажется, оставляют за бортом полемики одну сторону дела: историю, рассказанную в пьесе «Человек со стороны», есть история частная. Этим я хочу сказать, что она имеет конкретную обстановку, конкретные условия, в которых и развивается. Эти условия могут меняться, могут меняться тактические задачи, которые ставят перед собой участники данной истории. Лет через пять они могут уже быть совсем иными. Конкретные частные условия определяют стиль поведения и способы борьбы.

Чешкову был дан краткий срок, в течение которого он должен был или победить, или уйти. Надо учесть, что он не

старый человек и соответственно ему не свойственны тактические приемы, которыми владеют люди пожившие. Оппоненты Чешкова ставят перед собой задачу объявить его героем для подражания и тутчас развенчать, опираясь порой на чисто экономические проблемы или на неумение управлять.

Я сам себе задаю вопрос: достаточно ли у меня знаний, чтобы научить кого-то управлять производством? И делаю вывод: у меня этих знаний недостаточно. Недостаточно их и у Чешкова. Более того, я уверен, что те, кто называют его дураком, правы в том смысле, что более хитрый, приспособленный к борьбе, более осторожный повел бы себя не так с точки зрения тактики.

В жизни мой Чешков, я уверен, долго бы не продержался, и в этом оппоненты правы. Но он чист, высочайшим образом подготовлен профессионально, берет на себя ответственность, не задумываясь над тем, что грозит ему лично. Я думаю, мудрость к нему придет, но с приходом так называемой мудрости он многое утратит.

Ну, а если, к нашему счастью, не утратит, тогда мудрость и безукоризненный такт гармонично соединятся с порывом, творческой дерзостью, чувством ответственности, что, конечно, прекрасно, но это будет уже другой герой.

Как всякий живой человек, Чешков не может быть возведен в ранг идеального героя. Все его ошибки есть следствие, с одной стороны, возраста, характера, а с другой — это ошибки диалектические, и они ничуть не зачеркивают этого молодого человека, его права на жизнь, на борьбу. И если о нем спорят — значит он жив, значит он узнаваем. И большей радости для писателя, чем спор о его герое, быть не может.

Ни одна пьеса, ни один роман не могут решить вопросы экономики или руководства промышленностью. Это не входит в задачу писателя. Но заставить задуматься о морально-этических проблемах в этой сфере — в задачу писателя входит непременно. Как мне уже приходилось говорить, я ставил перед собой не научно-техническую проблему, а стремился еще раз утвердить старую, но всег-

да новую мысль: каждый человек должен хорошо выполнять порученное ему дело, хорошо знать его и уметь отвечать за него самостоятельно. Работая над пьесой «Человек со стороны», я задавал себе все время один и тот же вопрос: почему бывает трудно работать хорошо и почему работать плохо бывает легко? Если мне удалось и зрителя заставить подумать об этом, я рад.

Возвращаясь к Чепракову, хочу напомнить, что у него тоже были свои критики и довольно злые. Им не нравилась чепраковская несладкость, его самобытность, его несходство с книжными представлениями об идеальных героях. Но, к счастью, многие увидели в Чепракове его высочайшую человеческую активность, его высокую преданность делу, его партийное сердце, которое никогда не бывало равнодушным. Многие увидели в Чепракове и Чешкове, несмотря на разницу во времени, несмотря на разницу в способах работы, в способах жизни, то, что они — современники. И оба, на мой взгляд, очень добры. А доброта в наше время это акт действо-

вания, как говорили классики, — это и есть борьба.

К сказанному автором «Человека со стороны» хочется добавить совсем немного. И. М. Дворецкий упомянул, что такой в жизненном плане тактически не оснащенный человек, как Чешков, может в каком-то конкретном случае потерпеть поражение. Да, это так. Но вот что важно: у инженера Чешкова, как нового героя, очень верная трасса. Всех Чешковых вместе не одолеть, ибо новое неодолимо.

Игнатий Дворецкий — в пути. Его новая пьеса «Ковалева из провинции» уже появилась на афише ленинградского театра им. Ленсовета. А новейшая еще создается.

— Здесь, в Петрозаводске, мне удалось хорошо продвигаться вперед, — говорит Игнатий Моисеевич, указывая на пишущую машинку. — Как будет называться пьеса? «Тундра». О людях, которые живут и работают в Заполярье.

У драматурга своя трасса, и она еще не раз приведет его к открытиям в познании Человека.